

Цинь Иннь не захотел ехать, но это была редкая возможность взять землю в свои руки. Вне зависимости от того, придумала ли она в конце концов план побега или нет, лучше было ознакомиться с окрестностями.

Горничная приподняла занавеску двери и вежливо помогла принцессе Чжоу выйти на улицу.

Зелёная, травянистая равнина приветствовала её глаза. Круглые, белоснежные палатки были расставлены аккуратными рядами, и разноцветные вымпелы развевались на ветру. В пятистах шагах отсюда собралось огромное количество горожан, которые кричали и кричали на группу всадников смешанного пола.

Всадники были сгорблены над своими конями, поводки в руках и ноги крепко зажаты вокруг живота лошади. Ягодицы всадников слегка приподнимались, когда лихие лошади спешили по полю, словно стрелы, выбитые из луков. Каждый их проход перед толпой вызывал бурные приветствия, самые громкие из которых были зарезервированы, когда Анари галопом проходила мимо, ее красный наряд блестяще компенсировался белой лошадью.

"Да! Да!"

"Наш хан могучий!"

"Хан - герой среди женщин!"

"Хан - лучшая женщина среди татар!"

.....

Толпа пузырится от волнения, в сопровождении барабана лошадиных копыт. Из сердца встало восхитительное ощущение свободной души. Даже такой заложник, как Цинь Иннь, почувствовал, как ее дух поднялся над сценой.

Горничная указала на манеж и что-то пробормотала. Она посмотрела на супругу принцессы с веселым выражением лица, явно ожидая ответа.

Теперь Цинь Иннь поняла. Горничная хотела, чтобы она пошла посмотреть на лошадей. Она выразила благодарность кивком и улыбкой. "Хорошо, давайте с вашим предложением. Спасибо, что сказали мне, как оживлённо снаружи."

Горничная не поняла речь Великого Чжоу, но, тем не менее, румянец пересек ее лицо, когда она оглянулась на нежную улыбку принцессы-сопровождающей. Она так сногшибательна, когда улыбается! Глаза сверкнули, горничная что-то сказала и снова указала на полигон, потянув Цинь Инньна в этом направлении.

Супруга принцессы посмотрела на Клэри слева и справа, утверждая, что хотя с тех пор, как Клэри вышла из палатки, за ней наблюдали люди, никто из них не сделал ни малейшего шага, чтобы остановить Клэри. Очевидно, что это не входило в компетенцию маленькой служанки, так что Синь Цинь санкционировала ее свободу передвижения.

Насколько этот человек уверен в себе? Разве он не беспокоится, что я воспользуюсь этим, чтобы сбежать?

Цинь Инь идёт по стопам служанки, медленно прокладывая путь по травяной равнине до хребта. Аромат травы и скота вбивался ей в ноздри, когда она дышала. Это не вызывало неприятного запаха, а скорее расслабляло тело и разум. Даже небо и белые облака здесь казались дальше, чем обычно.

Когда Цинь Инь приближалась к ней, многие высокие и коренастые мужчины, наблюдавшие за лошадьми, заметили ее.

Несмотря на то, что она была высокой и изящной для Цзяньнаньской женщины, она была среднего роста по-татарски. Однако, она была намного умнее и хрупче, чем большинство татарских женщин, и, что очень важно, были манеры и жесты, которым она научилась у строгих учителей. Она ходила с естественной элегантностью, которая полностью отличалась от того, что ежедневно демонстрировали простые, честные татарские девушки.

Врожденный атрибут благородства вытекал из ее самых костей, плюс у нее было ошеломляющее лицо, которое было трудно описать или нарисовать.

Мужчины на окраине тупо смотрели на нее и расставались в стороны. По мере того, как все больше людей видело ее, все становилось под ее чарами, независимо от их пола, и они тоже расставались перед ней. Постоянные возгласы и возгласы толпы внезапно умирали.

Цинь Инь был немного обескуражен вниманием. Будь то в Великом Чжоу или в Великом Яне, она всегда носила шляпу с вуалью, когда осмеливалась выходить на улицу в последние годы. Несмотря на то, что в молодости ей приходилось быть на виду у публики, никто так на неё не смотрел. С простой честностью татарского народа, они прямо выражали свои симпатии и неприязни. Взгляды на неё были едва ли сдержанными, а пыл их взглядов доставлял ей полное неудобство.

Но даже в этом случае она не могла проявить страх.

Без всякого выражения, она плавно направилась к конному заводу и наблюдала за висящими лошадьми из-за деревянного решетчатого забора. Клэри притворилась, что увлечена лошадьми, но ее взгляд скрытно сканировал местность вдаль.

Анари обожала получать комплименты и приветствия от народа. Неоднократные крики

благоговения и похвалы принесли ей огромное удовлетворение. Это подтолкнуло ее к новым вершинам в проявлении мастерства верховой езды, чтобы еще больше людей восхваляли ее. Это также послужило поводом сказать ее народу, что хотя она была их первой женщиной-ханом, она ничуть не уступала мужчинам.

Но по каким-то причинам сердцебиение и аплодисменты внезапно ослабевали. Смущение пришло ей в голову, как и некоторое неудовольствие.

Она тащила свою лошадь туда, где собирались люди, и вспыхивала уверенной улыбкой, но вместо этого увидела очаровательную фигуру посреди толпы, очевидно, не на своем месте в группе пастухов.

Она с раздражением натянула брови и дернула за поводья. Белый конь с длинным нытьем протестовал против того, чтобы его внезапно остановили, подняли на копыта, а затем вольно растоптали несколько раз по земле.

Анари, сидя на лошади, бросила на Цинь-Инь взгляд сверхъестественного презрения. Она подняла бровь и приподняла подбородок. "Кто тебя выпустил? Этот хан не разрешил ни одному уродцу вроде тебя ходить по лагерю!"

Цинь Инь ответила слабой улыбкой. "Никто не останавливал меня, и с такой слабостью я бы никогда не выбрался из твоего лагеря". Я слышал, что Татары - теплый и гостеприимный народ. Уверен, хан все еще уважает обычаи твоих предков?"

"Ты..." Анари не вернулся к этому. Она нахмурилась, а потом засмеялась. "Все знают, что у тебя серебряный язык, и могут говорить, как выйти из любой ситуации". Ты просто используешь свою внешность, чтобы облегчить тебе жизнь, и соблазняешь любого, кого увидишь".

Цинь Инь яростно хмурился. Как может этот хан относиться к ней с таким отношением и говорить такие злобные вещи на публике? Преступления, о которых она говорила, были совершенно безосновательны и основывались на её догадках!

Очевидно, что этот хан был избалован в детстве и после замужества продолжал прокладывать ей дорогу во всем. А у кого-то с таким прямолинейным характером был очень необычный супруг.

Цинь Инь не хотела совать свой нос туда, где ему не место, и тоже не хотела предупреждать своего врага. Она только знала, что не может проиграть здесь и быть выставленной дурой.

"Почему такой молодой и красивый хан говорит такие ужасные вещи? Я всегда думала, что только женщины, страдающие от низкой самооценки, будут сомневаться в своих мужьях. Кроме того, у меня есть муж, и он - герой, который сотрясает небеса. В детстве я изучала "Предчувствия для женщин" и "Домашние уроки", а также "Биографии образцовых женщин". Я

понимаю логику женщины, не служащей второму мужу. Я бы никогда не сделала ничего подобного, что принесло бы бесчестье моим предкам. Если хан хочет придумать для меня преступление, лучше всего найти такое, которое достойно твоего места".

Хотя в ее ответе не было ни одного проклятого слова, Цинь Иннь сумела высмеять все, что касалось Анари - от ее образования до морального характера и мировоззрения.

Пастухи шептались друг другу, задаваясь вопросом, кто эта девушка. Жужжание толпы подлило масла в пламя ярости Анари, и она хлыстом указала на Цинь Иннь.

"Вы, Великие Чжоу, только и умеете, что хлопать губами! Мы, татарки, не следим за твоими хитрыми поворотами. Ты можешь только расхаживать, когда речь заходит о словах!"

<http://tl.rulate.ru/book/13071/1018614>